

Живодворов Дмитрий

АЛЧНОСТЬ

16+

Дмитрий Иванович Живодворов

Алчность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29822328

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-10497-6

Аннотация

Ах как бы недурно было бы найти клад?

Каких чудовищ хранит внутри себя человек, до поры – пока не заблестит золото в руках его. Особенно если золото стало случайностью, блеснувшей в земле, или в воде, или в старом подвале...

Жажда денег – порождают жестокость, предательство и душегубство. Золото – порождает демонов. Демоны тянут в ад.....

Дмитрий Живодворов

Алчность

АЛЧНОСТЬ

“Таковы пути всякого, кто алчет чужого добра; оно отнимает жизни у завладевшего им.”

Притчи 1:19

1

– Павел Сергеевич Шкуро, – именно так представился в приемной человек в классическом английском костюме с южным говором. Это был необычный посетитель для приемной генерала Фельдъегерского корпуса города г. Москва – Льва Петровича Одинцова. Все посетители приемной были практически одинаковы. Одни мундиры сливались с другими, золотые погоны меняли ведомственные нашивки. Что было одинаковым у всех посетителей приемной – это бакенбарды фельдъегерского ведомства. Пышные и внушительные. Тут были бакенбарды римско–ампирской формы, английские бачки и, конечно, «а–ля Франц Иосиф». На всю стену красивым наборным шрифтом был выведен девиз корпуса: «Промедлить – значит потерять честь!» Только одно гладко выбритое лицо выделялось в этом ведомственном од-

нообразии.

Я Ваш новый начальник, – тихо, но достаточно твердо сказал этот человек адъютанту. – Сообщите господину Одинцову: кабинет мне нужен к 15 часам! В 15–20 я жду всех руководителей по ведомственным отделам с отчетами о работе за все периоды этого года. В 16–00 пригласите начальника кадровой канцелярии со всеми учетными личными делами руководителей отделов. Изучу, что за люди. Пожалуй, всё.

После этого гладко выбритый господин сказал:

– Это мои формуляры и приказ за высочайшим повелением. Передайте в кадровую канцелярию!

Сказав это, человек, больше похожий на банковского служащего, чем на генерала Фельдъегерского корпуса, положил папку с документами на стол. Адъютант, рослый офицер, даже не посмел взглянуть на документы, вскочил, вытянулся по привычке в струну и замер. Бритый человек застегнул кожаный кейс и вышел, кивнув окружающим.

Тишина после его ухода была такая гнетущая, что всем свидетелям этой сцены стало не по себе. Все старались спрятать взгляд друг от друга. Видано ли, чтобы генерала смещали таким манером? Без почестей и орденов ни один руководитель корпуса в отставку не выходил. Всем стало ясно, что здесь произошло что-то весьма неординарное. Один адъютант довольно быстро пришел в себя и, взяв папку для документов, твердым шагом проследовал к дверям в кабинет генерала Одинцова. Постучав два раза в дверь, выждал

2 секунды и быстро исчез внутри кабинета. Часы пробили 10 утра. Через 3 минуты адъютант вышел с невозмутимым видом сел за стол и принялся что-то писать. Все внимательно смотрели за спокойными действиями молодого офицера. Недоумение – это именно то, что витало в воздухе приемной генерала Одинцова.

Дверь кабинета отворилась, и вышел сам Лев Петрович. Его огромная фигура, будто вытесанная из дуба, заполнила весь дверной проем. Он осмотрел всех посетителей, извинился, сказав, что приема сегодня не будет. Был Лев Петрович спокоен, даже не спокоен, а умиротворен. Это то состояние, когда человек, долго противостоящий чему-либо, решает примириться с обстоятельствами и дать волю судьбе решать за него.

Назначение нового управляющего означало, что его репутация уничтожена, и его покровитель устал от всех событий, которые были связаны с его персоной.

Он вызвал адъютанта и приказал соединить его с монахом Сергием из Святейшего Правительствующего Синода. Долго никто не отвечал, наконец, трубку взяли. Генерал Одинцов спросил монаха, в ответ услышал такое, отчего побледнел. Дослушав, он сказал:

– Это неглавное.

Еще через время добавил:

– Дождусь, теперь непременно дождусь! – и положил трубку.

Достал сигару, со вкусом затянулся. Встал у окна. Он прищурился от луча отраженного солнца, ослепившего его от проезжающей кареты.

– Пора, – сказал он вслух. Положил сигару на стол. Сел, пододвинул лист бумаги. Взял перьевую ручку FAIRCHILD с позолоченным сменным пером Karl Kuhn Wien, вставленным в деревянное основание, обтянутое крокодиловой кожей, с металлическим, покрытым золотом держателем.

Начал писать. Перо пронзительно заскрипело. Недовольный скрипом, он перевернул ручку и пристально посмотрел на причину скрипа – тонкую нить, застрявшую на острие пера. Несколько мгновений он смотрел на нить, а потом резко сжал ручку в кулаке, оперся кулаком о стол и махом воткнул ручку в глаз с такой силой, что ручка прошла насквозь и вышла за ухом. С тонкой стали немецкого пера стекала бордовая кровь. Тонкая нить отсутствовала. Лев Петрович забрал ее с собой.

2

Судьба – довольно странная штука, – думал, идя по направлению к одному из лучших ресторанов города, мещанин Никита Селиванович Бруслов.

Еще пару месяцев назад он был практически разорен и с весьма плачевной перспективой. Две деревни были пере-

заложены, об этом узнали кредиторы, разгорелся скандал. Его должны были посадить в долговую тюрьму, о чём ему не без удовольствия заявлял следователь 3 сыскного управления Звягин. Чем было вызвано это удовольствие следователя от положения Бруслова, сам Никита Селиванович объяснить не мог. Звягина он ранее не знал, ничем насолить ему не мог; на допросах вел себя выдержанно и почтительно. И тем не менее этот служитель закона получал наслаждение от тяжелой ситуации Бруслова. Хотя и предвзятым назвать его было нельзя. Все по протоколу, все вроде правильно, но глаза – в них читался исследовательский интерес к эмоциям Бруслова. Ему нравилась реакция на ущемленное самолюбие ранее достойного человека. Так, видимо, зоологи исследуют действие тока на мышах. Они ведь не получают удовольствия от страданий животного, нет – им интересен результат. Не более того. Вот такой мышью чувствовал себя Никита Селиванович.

И тут – произошло ЧУДО! Никак по-иному назвать далее описанные события нельзя. Но по порядку...

В связи со скудностью средств наш герой был вынужден жить в съемном углу в доходном доме Ипатова. Место хоть не привлекательное с точки зрения чистоты и порядка, но удобное с точки зрения расположения. И снимал он целых 5 метров квадратных. Хотя квадратными их нельзя было назвать. Комнатка была огорожена сбитыми досками и образовывала подобие треугольника. Единственной отрадой этого

угла был кусок печи, нарядным айсбергом выступающий в хороводе сбитых досок.

Род Ипатовых в свои времена был богатым и родовитым.

Сам дом состоял из четырех этажей. Был он хоть и запущен, но отстроен добротно. Ни одной трещины не пошло по кладке за несколько столетий.

Дом был старый, надежный, крепкий и ничем бы не выделялся из соседствующих домов, ежели б не маленькая, но удивительная особенность. В фасаде здания над входом был вмурован лебедь черного цвета. Когда он появился и по какому поводу, никто не ведал, но сколько москвичи помнили этот дом, всегда фигура лебедя была на этом месте. И сделана она была превосходно. На черном металле настолько точно были прорисованы и выкованы перья, изгибы, что создавалось впечатление, будто он живой. Железная фигура была покрыта вся причудливыми ямками, что создавало иллюзию мокрых перьев. Поэтому в округе дом прозвали «Лебединым». Но было еще прозвище у этого дома – «Шипун» от шипящего лебедя, который бросается в атаку. А получил дом это прозвище не просто так. Надо сказать, что домовладелец Ипатов относился к весьма известной и старой московской фамилии. Родом из бояр. Вели они свой род от времен Ивана Калиты. При Дмитрии Донском возглавляли одну из дружин правой руки войска Куликова. Отменно показали себя в Полтавском и Северном походах Петра Великого. Но менялся мир, и потомки в бытность славного, богатого рода

менялись не в лучшую сторону – собственно, как и мир вокруг них.

В 17 веке Никанор Ипатов решил перестроить дом дедов своих и снес все деревянные постройки, оставив только каменные палаты, которые строил его прадед Игнат Ипатов (по прозвищу Игнат Лапа). А прозвище дали ему в бытность казанского похода Ивана Грозного. Лих был Игнат, на характер крут, в гневе меры не знал, жаден до женщин и золота. Лапой его прозвали после случая в Казани. Его отряд в числе передовых входил в город, брали дом за домом, двор за двором.

Татары бились отчаянно, но Бог был на нашей стороне. И вот на пути его отряда дом стоит неприметный, бедный, а возле него – отряд отборных янычар. И стоят насмерть. Что это за дом такой, за который смерть принимают такие воины? Когда последнего убил Игнат, зашел он со товарищами внутрь. А там оказалось, что весь двор завален золотой посудой, золотом, камнями драгоценными, и лежат эти сокровища прямо в центре двора наподобие кургана. Видимо, из дворца кто-то решил, что в простой двор не кинутся, и они смогут уберечь сокровища от разграбления. Куш был не просто большой – он был огромный, царский. Золото горело, сияло, переливалось, манило, ласкало взгляд. Игнат обошел кругом этот золотой курган. В одном месте он почувствовал смердящий запах – не трупный, нет, так пахнет зверь. Игнат присмотрелся и увидел за дальней скамьей в углу движение. Что шевелилось, видно не было. Но, присмотревшись к тем-

ноте, он увидел глаза – из мрака смотрел зверь. В это самое время один из воинов подошел и встал рядом с лавкой. Игнат только и успел, что вскинуть руку, как из-под скамьи вылетела огромная лапа и рванула воина за ногу. Сила рывка была такой, что тело несчастного прогнулось, и все услышали хруст ломающегося позвоночника. Когда воин упал – он уже был мертв. В это время лавка была отброшена в сторону, и все увидели огромного медведя.

Он встал на задние лапы и издал такой рев, что многие, бросив оружие, убежали. Медведь был прикован цепью к колонне и являлся стражем сокровищ. Он рванулся на людей и убил молодого лучника. Тот споткнулся и упал в золото. Через мгновение его кровь струилась по монетам и слиткам. Желтое с красным-это зловещее, но, признаться, красивое сочетание. Медведь растерзал его в два рывка. В эту секунду Игнат подскочил к зверю сбоку и всадил длинное строевое копьё пехотного ряда. Копьё вошло насквозь легко, не задев кости. Медведь захрипел, сел, запрокинул башку и рухнул на спину. Это был один из охотничьих ударов под названием «тихая смерть», когда бьют не в сердце, а чуть левее, и зверь падает без звука. Этому удару Игната научил его отец, а его отца его отец. Мужчины рода Ипатовых передавали навыки боя и охоты исправно.

Золотом набили три повозки. Запрягли волами, так как лошади не утянут. В одночасье одним ударом копья Игнат

стал несметно богат. Выходили из города ночью, крадучись. Не хотел Игнат отдавать добычу князю. А по закону круговому должен был это сделать. Когда настала пора выходить, он увидел на лапе убитого медведя золотой браслет, который блестел в шкуре. Видимо, когда тот был медвежонком, дети хана играли с ним, украшали, как игрушку.

Вот с тех пор он и остался на лапе медведя. Браслет врос в кожу под мехом, растущая лапа разорвала его звенья, но они вросли в тело и держались просто так. Игнат отрубил лапу медведя и, пока не выковырял золото из кожи, все до единого грамма, в путь не тронулся. За жадность его и прозвали Лапа.

Этот Игнат и снес все постройки и заложил фундамент нового родового дома. Каменного. Был этот Игнат лют и агрессивен. Люди его боялись. Поэтому и дали его дому с лебедем прозвище «Шипун». Его потомки несколько раз перестраивали дом, увеличивая его в размерах и этажности. Строительство велось бесплановое, безалаберное. Так же велись финансовые дела семейства Ипатовых. Сразу вели все дела сами, а после начали нанимать управляющих, которые их регулярно обкрадывали. В итоге нынешнему Ипатову Ивану Степановичу пришлось выгнать всех и управлять самому. Кроме этого, чтобы поправить дела, он вынужден был сдавать фамильный дом под доходную аренду.

Вот так, благодаря целому историческому калейдоскопу

предков семьи Ипатовых, Бруслов оказался в угловой комнатухе нижнего этажа с голубиным окном и куском старой домово́й печи. А печь была, признаться, чудесная, точнее, та ее часть, которая была в комнате Бруслова. Вся в мозаичных изразцах, много узорчатых, лепных. Спелые цвета, как деревенское лоскутное одеяло, согревало видом эту «нору неудачника», так прозвал свою комнатенку сам Бруслов. Печь не грела, видимо, давно не работала, и в доме ее оставили только для красоты. Не так давно Бруслов от нечего делать начал разглядывать каждый мозаичный камушек. В это время солнце выглянуло из-за тучи и проникло через маленькое окно (больше похожее на форточку), осветило часть печки. В это же мгновение что-то блеснуло прямо в глаз Бруслову. Он даже зажмурился. Подошел к печке. Блеск шел из одного мозаичного камушка. Обычный зеленый камушек блестел в одной точке, от которой откололась глазурь. Бруслов наклонился, потер пальцем скол. Потом взял маленький перочинный ножик и процарапал линию от скола до края камушка. Глазурь послушно треснула и крошилась. Блеск увеличился.

– Что это? – сам себя спросил Бруслов. Удалив рукой остатки пыли и глазури, он сидел на кровати и смотрел, как на него из раствора изразцовой печи смотрел огромный алмаз розового цвета, размером с глаз Бруслова.

– Не может быть. Неужели? – сказал Никита Селиванович, оглядывая мозаичную печь, сплошь покрытую глазурными

камнями. Его взгляд был похож на взгляд Игната Лапы.

3

Бруслов сидел, будто парализованный, и глядел на сверкание камня, точнее, сверкание исчезло ровно тогда, когда ушло солнце, но камень сиял даже в полумраке комнаты. Он иногда отводил взгляд от камня, потом возвращался назад: он не мог поверить в то, что видели его глаза. Немного оправившись от шока, он подошел и осторожно тронул камень. Он был холодный. Это почему-то удивило Бруслова. Судя по его блеску, он должен был быть горячим. Поднажав на него, он услышал характерный треск, и камень очутился на ладони.

– Какой тяжелый, – подумал Бруслов.

Отличить бриллиант от стекла он мог уверенно, так как в семье были ценности в виде украшений по матушкиной линии, пока он их не заложил в ломбард, и блеск настоящего бриллианта он не спутал бы ни с чем. Это был, по-видимому, алмаз. Его неограненность и первородность вгоняли в замешательство и сомнения. Всю ночь Бруслов не мог уснуть. Первые лучи солнца он встретил, стоя у окошка и жадно вдыхая воздух. Не выдержал. Пошел бродить по улицам, камень при этом держал в ладони, а ладонь – в кармане пиджака. Ждал открытия ювелирной лавки немца Крюге. Он доверял этому немцу и как человеку, и как специалисту.

– Немчура скажет правду, – думал Бруслов.

И если его находка действительно алмаз – то все его беды закончены разом. Жизнь снова улыбнется ему. Так мечталось Бруслову во время ожидания.

В 8–25 появился Франц – сын ювелира. Он подошел к двери, отворил ее, оглядел улицу. Увидев Бруслова, он почтиительно кивнул. Ровно в половину девятого подошел к лавке сам гер Крюге, маленький, толстый обрусевший немец с типичной залысиной ювелиров. Он уверенно толкнул дверь и скрылся внутри. Бруслов вошел через мгновение. Ювелир обернулся на звон дверного колокольчика и, увидев знакомого клиента, привычно улыбнулся.

– Как дъела, Никита Сэлифанович? – он говорил с типичным для немца акцентом. – Дафненько Фас нэ было. Слышал о Фаших нэприятных клопотах. Крэпитэсь, друг мой! Got mit uns! – с этими словами он многозначительно посмотрел на потолок.

В ответ Бруслов неуверенно поздоровался, и, подойдя к ювелиру очень близко, сказал:

– Господин Крюге, у меня к Вам весьма деликатный вопрос. Весьма! Дело в том, что, – тут он запнулся, – у меня есть камень драгоценный от тетушки – знаете, эти милые старушки с их тайнами и секретами. Так вот она всю жизнь хранила этот камень в своей шкатулке с различной старой ностальгической дребеденью. Но неделю назад она преставилась. Мне досталась эта самая шкатулка и, разбирая ее, я обнаружил вот этот камень.

Сказав это, он достал из кармана алмаз и разжал ладонь.

– Хотел бы, чтобы Вы сказали, это может быть ценным или обычная стекляшка?

По виду немца можно было понять, что он удивлен и крайне заинтересован. Он надел ювелирную лупу, взял камень, направил свет.

– Mein Gott! – сказал на выдохе Крюге. – –Das ist unglaublich! Это настоящий алмаз! Это огромный, рэдчайший алмаз с розовым оттенком. Ви обладаете настоящим сокровищем! Как этот камень оказался у Ваша тьетушка? Ви счастливчик, mein Freund!

Бруслов все это время стоял сам не свой. От нервного напряжения у него заложило в ушах, лицо горело, было душно. Он видел реакцию немца, он понимал, что вот сейчас его судьба развернулась на 180 градусов. Ювелир в это время тряс его руку и поздравлял.

– Вот так тьетушка! – восклицал гер Крюге.

– И сколько, по–вашему, может стоять этот камень? – спросил Бруслов.

– Голуба моя! Да кто же его купит? Такой товар по карману только Ротшильдам! – воскликнул ювелир.

– А если распилить на более мелкие? – спросил тут же Бруслов. – Вы понимаете, мои обстоятельства весьма затруднительны, и я нуждаюсь в деньгах, как можно скорее. Ювелир сел в кресло и спокойно сказал:

– Такие камни просто так не распиливаются. Я как ювелир получаю лицензию, обязываюсь работать по камням не более 15 карат. Фсе, что идет фыше, может работать только имперская ювелирная контора Санкт–Петербурга. Фы можете обратиться туда, и Фам фыполнят любой фаш заказ... Только есть одно «но» ... Вы должны будете пояснить, откуда к Фам попал алмаз Булгарских князей? Сказав это, ювелир пристально посмотрел на Бруслова.

Тот только и смог вымолвить:

– Каких князей?

– Булгарских, мой дорогой, или, если хотите, Болгарских. Спорят до сих пор, как прафильно их феличать, но, по прафде, правильно било бы – българских. Твёрдый знак читаться должен как русское «ы». Там на одной стороне нацарапан княжеский знак Булгар и имя князя RAKSI.

– Судья по сохранности камня, по количеству ферхнего слоя, он хранился никак не в шкатулке. Ну, как минимум не последние 200 лет.

Сказав это, ювелир положил камень на поднос и пододвинул к Бруслову. Никита Селиванович сел в кресло рядом и сказал:

– Помогите мне, гер Крюге. Я в отчаянном положении. Камень действительно мой, но тетушка тут ни при чем. Возьмитесь распилить этот камень и четверть Ваша.

– Полофина, – ответил немец. – Полофина мнье, и я фозь-

мусь.

– Но это грабеж! – воскликнул Бруслов.

– Грабеж был бы если бы я физвал городофого после того, как челофбек, одной ногой стоящий в долгофой ямье, приносит алмаз в 150 карат стоимостью в 300 000 рубльей и просит его распилить. Да–с! Вы забыфаетьесь, mein Freund. Я Фам предлагаю прьекрасную сделку. Полофина камня Фам, плюс я ни копьейки не фозьму за работу и плюс готоф фыкупить Вашу полофину за 70 000 рубльей.

70 000 рублей это ничтожно мало, но вся сумма долга Бруслова была 23 253 рубля. Немец, конечно, мерзавец, – подумал Никита Селиванович, – ну да куда деваться?

– По рукам, – сказал Бруслов, – деньги когда?

– Зафтра, mein Freund, зафтра.

– Значит, и камень завтра, – сказал Бруслов и протянул руку, чтобы взять алмаз.

Крюге заохал:

– Куда фы пойдьете без экипажа, без профожатого с таким сокровищем. Ай, как это неумно. Погодьите. Я займу. Сейчас.

Через полчаса по улице в направлении Земского Банка шел человек со свертком в руке. Зайдя в банк, он подошел к управляющему, сказав, что хочет полностью закрыть долг. Отсчитав 23 253 рубля, банкир расцвел в улыбке. Вышел из–за стола, пожал руку Бруслову и до выхода шел рядом, говоря, что всегда знал, что трудности у такого клиента времен-

ные или даже случайные, и что он очень рад будет быть полезным такому клиенту.

Выйдя из банка, Никита Селиванович направился домой. Ему нужен был домовладелец. Иван Степанович Ипатов отдыхал после завтрака. Кушал он с утра много и сытно. Поэтому по старой дедовской традиции нужен был отдых, дабы живот справился хорошо со своей работой, а уж потом и голову можно напрягать. Когда в дверь постучали, Иван Степанович, который только задремал, увидел человека, но не сразу в нем узнал квартиросъемщика. Поэтому присел на диване. Узнав Бруслова, он лег снова и спросил:

– Чаво надобно, любезный? Часы приема обозначены.

Бруслов прямо спросил:

– Иван Степанович, сколько станет снять на месяц один этаж?

Ипатов открыл глаза, повернулся:

– Этаж? – переспросил он.

– Да, нижний, в котором у меня комната, – ответил Бруслов.

Ипатов встал, подошел к столу. Садясь, он сказал:

– Я, признаться, этажами не сдаю. Даже клиентам с хорошей репутацией, – на этой фразе он сделал ударение.

– А за сколько бы сдали? – не унимался Бруслов. Уверенная настойчивость, сквозившая от этого непонятного арендатора, показалась Ипатову обоснованной.

– Знаете ли, этажом не сдаю, потому как весьма зависи-

мость большая от одного жильца. А так много жильцов – спокойней на душе. Ну, если так для разговора, то 3000 рублей в месяц с этажа я собираю. Но одному я не сдам, – закончил Ипатов.

– А за 5000 рублей сдадите? – спокойно спросил Бруслов.

Ошарашенный Ипатов удивленно уставился на человека с дыркой на рукаве и усомнился в правильности услышанного. Но, развернувшийся пакет с пачками ассигнаций убедил его в обратном.

– Вот Вам на полгода вперед, – сказал жилец, кинув 30 000 рублей на стол.

На самом деле в месяц с этажа Ипатов еле собирал 1200 рублей аренды и то не всегда платили вовремя. Поэтому решение он принял мгновенно.

– Хорошо, – сказал он. – Но нужно время, чтобы выселить жильцов.

– Два дня, – сказал Никита Селиванович.

– Да как же за два дня можно расселить 10 семей? – воскликнул Ипатов.

– Если не сможете, то отменяем сделку, – неожиданно для себя сказал Бруслов.

– Вот! Вот сразу вижу делового человека! Или все, или ничего, – одобрительно захохотал Ипатов. – Сам такой был в молодости. Сделаем все в два дня, будьте покойны. А что это Вы так хотите снять именно у меня этаж? Я не против, но за такие деньги Вы легко могли бы снять этаж в центре

либо особняк в тихом месте. Почему у меня? – спросил он, косясь на пачки денег.

– Видите ли, Иван Степанович, я буду говорить с Вами прямо. Я уж полгода как под следствием и под опасностью оказаться в долговой тюрьме. Однако мои обстоятельства сложились неожиданно превосходно. Мой дядя в Лондоне приказал долго жить и оставил мне довольно солидное состояние. Долги я погасил немедля, но для возврата в общество мне нужно время. Поэтому проживать сразу в центральной части не хочу, пусть все уляжется, а у вас мне очень по душе. И если я могу снять для удобства этаж, то почему нет? Устал я, признаться, угольничать.

Ипатов продолжал смотреть с непониманием. Для того, чтобы до конца убедить его, Бруслов сказал:

– Ну, и главное – женщина дивной красоты и обаяния проживает рядом. Это очень удобно. Хотя мне неловко, право, Вам об этом рассказывать.

Этот аргумент и пачки денег полностью сняли все сомнения Ипатова. Он протянул руку, по-купчески прихлопнул второй ладонью рукопожатие:

– Так бы и сказал, голуба! Баба, она слаще халвы всякой!

Идя по коридору, Ипатов обратился к Бруслову:

– А что, может, коли наследство большое, весь дом у меня купишь – с арендаторами. Четыре этажа – 52 комнаты. Отличный дом для богатого хозяина!

– Да нет, – ответил Бруслов, – пока рановато думать об

этом.

– Ну, смотрите, Никита Селиванович, если надумаете, сторгуемся.

Бруслов зашел в свою треугольную комнату. Плотно запер дверь, – подошел к печи, провел рукой по мозаичному изразцу. Взял нож и прочертил полосу по трем в ряд стоящим камушкам. Не треснул глазец, тогда он ударил ножом по глазури, потом еще раз и, наконец, третий. Сел на стул, руки дрожали. Он смотрел на места ударов. Потом резко встал, открыл дверь и крикнул в тишину коридора:

– Иван Степанович, Вы еще тут?

– Что, батюшка? Тут я, – слышался с лестницы голос Ипатова.

– А Вы знаете что? Куплю я Ваш дом, – крикнул в темноту Бруслов, глядя, как из печи блестели дивными переливами драгоценные камни.

4

Когда на второй день дверь ювелирной лавки Крюге возвестила о приходе клиента, хозяин лавки не думал увидеть этого человека. Никита Селиванович стоял и приветливо улыбался. Крюге заметил, что это был уже не тот человек, который был у него вчера. Перед ним стоял подтянутый господин в прекрасном костюме–тройке, шляпе Трибли и довольно дорогой тростью в левой руке. Цепь золотых часов солидно подчеркивала статус и соответствие ее господину.

Итак, новый господин Бруслов вызвал почтительный полусгиб в фигуре ювелира и милейшую улыбку.

– Господин Бруслоф! Никита Сэлифанофич, как рад Фасфидеть!

– Благодарю Вас, я тоже, – довольно сухо ответил Бруслов. – Хотел поговорить с Вами, гер Крюге.

– Конечно–конечно, – ответил немец. Присели.

– Я к вам насчет вчерашнего визита. Понимаете, гер. Крюге, мне кажется, вся вчерашняя сделка была несколько поспешной и нервной. Мы поторопились оба и не совсем верно договорились с Вами, – сказав это, Бруслов подошел к окну и взял паузу.

В тишине послышалось нервное ёрзание в кресле немца. Простояв в такой позе не менее минуты, Бруслов понял: Крюге – орешек крепкий. Выдержал паузу и не задал ни одного вопроса: стреляного воробья на мякине не проведешь. Снова усевшись в кресло и закурив, Бруслов продолжил:

– Вы помните тот камень, который я принес Вам вчера? Я уверен, что мы его неправильно оценили. Его стоимость значительно выше. Гер Крюге, я настаиваю на пересмотре цены.

Ювелир, до конца сказанного не проронивший ни слова, был пунцовый:

– Фы что, издефаетьесь, почтенный? – почти прошипел он. – Ни о каком пересмотре не может быть и речи.

Бруслов попытался вставить какое–то слово, но немец за-

говорил быстро на немецком языке и, судя по размахивающимся рукам, он был крайне возмущен:

– Это у Фас, у русских, можно плефать на свое слово. Мы, немцы, не такие. Да–с! Я не понимаю, как Фы набрались наглости, милостифый государь, яфиться ко мне с таким фопросом? Это неслыханно! Я Фас фыручать, я Фам помогать! Я Фам заплатить целых 70 000 рублей. Что Фы еще катите?

Бруслов спокойно сказал:

– Я хочу заплатить вам 300 000 рублей за этот камень.

Немец замер, он будто даже остолбенел:

– Ви катите купить алмаз обратно? – с осторожностью спросил он.

– Да. Я надеюсь, Вы его не распилили?

– Нет. Не успел еще, – ответил ювелир.

Бруслов высыпал горсть драгоценных камней: тут были и алмазы, и рубины, и изумруды, выделялся черный сапфир.

– Я полагаю, этого хватит? – сказал Бруслов. Ювелир взял несколько камней, внимательно оглядел их, особое внимание уделив топазу, величиной с грецкий орех. Потом он посмотрел на Бруслова:

– Ви катите это отдать за тот алмаз?

– Да, – ответил Бруслов.

– Но это гораздо больше, чем стоимость самого алмаза. К чему такая щедрость и .., – немец запнулся.

– И глупость. Вы, наверное, хотели это сказать? – спросил Бруслов. – Скажу только, что для этого есть причина,

и она финансовая. Я скоро отправляюсь в поездку в азиатские страны и, узнав о моей находке через моих друзей, мне в одном тьмутараканском государстве предложили большие деньги за алмаз болгарских князей. Вот и вся загадка. Гер Крюге, я полагаю, сделка выгодна для вас. Соглашайтесь!

Немец, поразмыслив, сказал:

– Да! Конечно, фыгодна. Идет! И я прошу простить мне мою горячность, я Фам тут нагофорил...

– Не стоит, – обрезал Бруслов. – По рукам?

– Abgemacht, – сказал немец.

Выйдя из ювелирной лавки, Бруслов сжимал в кармане один камень вместо дюжины и бормотал:

– Слава Богу! Слава Богу!

Причина его поведению была в событиях дня прошедшего. Бруслов увидел, что его удары по мозаике на печи скололи глазурь и обнажили драгоценные камни.

– А Вы знаете, что? Куплю я Ваш дом, – крикнул Бруслов, глядя на блеск камней. Он аккуратно, чтобы не привлечь дополнительного шума, начал выцарапывать камни. Нож иступился быстро, и он зашел к соседу и попросил отвертку на время. С отверткой в наборе шел маленький плотницкий молоточек. Работа закипела.

Через час Бруслов, удалив один ряд мозаики на печи, обнаружил 27 камней разного размера и природы. Все камни были без огранки, неправильной формы и цвета. Но одно было точно – это то, что это были драгоценные камни. Поняв,

что за каждым мозаичным камушком сокрыт алмаз, Бруслов оглядел печь снизу доверху. Он снял один ряд глазури с камней. Этого ряда камней ему хватило бы до конца жизни жить безбедно. А перед ним стояла печь, состоящая из 180 рядов мозаики. Кроме прочего, он только сейчас заметил, что есть ряды шире и больше по размеру. Он начал внимательно изучать и ощупывать всю мозаику. На самом верху он увидел очень красивую кафельную плиточку сбоку печи, на которой был изображен медведь. Он сотни раз видел эту кафелинку и не замечал ничего необычного. Но после последних событий он встал на табурет и стукнул по ней молоточком. Пустота отозвалась за нею. Он ударил посильней, кафель треснул и раскололся. В образовавшейся пустоте Бруслов увидел кирпич.

– Это был просто кафель, – сказал он сам себе.

Он сел. Только сейчас он почувствовал усталость. Он пнул ногой осколок кафеля, тот перевернулся, и Бруслов увидел: на обратной стороне плитки что-то виднеется. Он поднял осколок: сзади была буква «R», написанная зеленой краской. Он поднял все осколки и сложил их. Получившаяся надпись заставила его побледнеть. Там было написано: «RAKSI».

– Это же имя князя на алмазе – чуть не закричал он.

Взяв свечу, он вскочил на табурет и поднес огонь к кирпичной кладке. В кирпиче было углубление – глубокая ямка, уходящая вглубь кирпичной кладки. Это углубление своей формой было точно по размеру алмаза проданного Крю-

ге. Бруслов попытался нажимать на углубление в разных местах, засовывал разные предметы – все напрасно. Нужен был алмаз, так как, похоже, он выполнял функцию ключа для какого-то тайника.

– Слава Богу! – повторял он, идя утром из ювелирной лавки Крюге. – Успел!

Зайдя в комнатку, он кинул трость и, не снимая костюм, встал на табурет. Взяв в руку алмаз, он начал вставлять его в отверстие. Камень не входил. Он пытался поворачивать его по-разному – тщетно. Ничего не происходило.

Обессилев Бруслов сел на кровать. Только сейчас он почувствовал, как болят его ноги. Голова гудела и налилась свинцом. Он облокотился о стену, закрыл глаза. Завертелись круговоротом слова, картинки, события. Здесь был и следователь Звягин, и Ипатов, и сосед с молоточком, и кафелинка с медведем и надписью... СТОП! Бруслов мгновенно открыл глаза. Надпись «RAKSI» на кафеле и на алмазе... Может, нужно повернуть алмаз так, чтобы надпись на нем смотрела на надпись на кафеле. Сон исчез. Через секунду он искал надпись на алмазе. Еле нашел – так, незаметно она была сделана. Аккуратно, боясь, что не получится, он начал вкладывать в отверстие алмаз надписью наружу. Через мгновение камень будто провалился внутрь, тут же что-то щелкнуло, и боковая стенка печи приоткрылась, как дверца. Бруслов окаменел, потом кашлянул, пришел в себя, слез со стула, приоткрыл боковину печи. Это оказалось нетрудно – боковина

была изначально сделана как дверь. Внутри была собственно печь. Да настоящая печь, состоящая из топливника, дымохода. Правда, печью, видимо, ни разу не пользовались: дымоход был заложен. Бруслов зашел внутрь печи. Места было немного, но два человека поместились бы.

– Странно, – подумал он, – для чего делать печь с таким секретом в виде тайника, а в тайнике пусто? Может, в ней кто–то сам прятался при нужде?

Он еще раз осмотрел тайник. Выходить не хотелось. Он повернулся вокруг, держа свечу перед собой. Ничего, кроме кирпича и золы на стенах. Он вышел разочарованным. Отряхнул золу с одежды.

– Ну разве поймешь, зачем кто–то сделал тайник в печи? А, может, и был там клад, да вынули давно. Да, видимо, так, – думал Никита Селиванович, вытирая золу с руки. – Но, если есть зола, значит, должны были печь топить. А как ее топить, если она не может быть растоплена. Тогда зола откуда? Это уже фантазия, какая-то, – размышлял Бруслов.

Снова зашел в тайник, поднес свечу к закопченной стене. Копоть была старая, пыльная, уже без сажи. Он взял тряпку и потер стену – эффекта не было. Он потер сильнее, после плюнул на стену. Под слюной появилось что-то белое. Бруслов взял ведро воды, окатил стену и начал тереть наотмашь, нервно и сильно. Через несколько минут перед ним был очищен маленький участок стены, на котором виднелась надпись, ничего не значащая для Никиты Селивановича, –

Лев Петрович Одинцов любил гулять после завтрака до полудня. Природа только начинала дышать, день только набирал силу, и старому генералу уважаемого Фельдъегерского корпуса тоже казалось, что в это время и у него все только начинается и все еще впереди. Это приводило его меланхолическую натуру в состояние бодрое и даже молодцеватое.

В конце каждой подобной прогулки он взял за обычай в прыжке достать кончиками пальцев ветку акации над дорожкой. И надо сказать, что ему это удавалось, хотя ветка была не низко. Каждый раз, достигая результата, он, довольный, говорил себе:

– Еще рано подковы сдирать!

Со стороны это смотрелось, видимо, необычно, так как прыгающий пожилой господин – это еще полдела, но вот прыгающий, словно школяр, генерал – это, признаться, нонсенс. Вот и сегодня, достав рукой ветку, он довольно крикнул, по привычке обернулся: не увидел ли кто? Сзади никого не было. Удовлетворенный, он повернулся и заметил прямо перед собой грязного человека в лохмотьях, который улыбался. Вдруг он сквозь улыбку сказал:

– Чего прыгаешь, будто в аду на сковородке? Рано тебе прыгать. Пока рано., – все это он сказал нараспев. Будто пса-

лом пел. – А дай Гришеньке монетку! Дай медячок, Гриша купит калачок!

Генерал опешил от такого случайного собеседника. Полез в карман и достал рубль серебром. Увидев, что монета крупная, генерал пожалел, но деваться было некуда. Кривясь от сожаления, он отдал монету юродивому. Тот начал хохотать и прыгать, бегая вокруг генерала:

– Гриша богатый! Гриша богатый!

Лев Петрович боком прошел мимо бегающего бродяги и хотел было уйти, но бродяжка преградил ему дорогу и, улыбаясь беззубым ртом, сказал:

– Ты Гришу любишь, и Гриша тебя любит. Ты мне монетку – и я тебе монетки, – с этими словами юродивый положил в ладонь генерала кусок глины.

– У тебя много монеток? – спросил бродяжка. – Дай Грише, дай! А я тебе еще дам красивых монеток – у меня их много.

Генералу все это надоело, он попытался прорваться через юродивого, но тех, кого Бог лишает разума, он наделяет силой. Поняв, что тот будет бежать за ним дальше до управления, генерал вытянул две медные монеты и дал их бродяжке со словами:

– Ну, вот тебе денежка. Ступай, братец.

– А вот и тебе камушки–красавушки, – сказал Гришка и насыпал горсть камней в руку генералу. Среди кусков битого

стекла, глины, гранитной крошки в его ладони лежала жемчужина. Огромная! Дивной красоты. Размер был с перепелиное яйцо. Юродивый хохотал и хлопал в ладоши. Лев Петрович взял жемчужину и спросил:

– Откуда это у тебя?

– Это? Это слезы Игнатушки. Гриша его жалеет, а он плачет. Слезки это его. Ты его пожалей, он тоже поплачет.

Генерал смотрел на блаженного и не знал, как себя вести, что сказать. Украл он, что ли где-то? Да нет, украсть он не может. Видимо, взял и сам не понял. Лев Петрович пришел в себя и решил, что необходимо вернуть жемчужину владельцам, у которых сумасшедший ее украл. Он спросил:

– А что, Гришенька! Может, давай и я пожалею твоего Игнатушку, чтоб не плакал больше. Ты приведи меня к нему.

Блаженный захлопал в ладоши и с гиканьем запрыгал к выходу из парка. Генерал последовал за ним, положив жемчужину в карман. Через полчаса они очутились у входа на Дорогомиловское кладбище. Вот этого Лев Петрович не ожидал. Гришка ловко шмыгнул внутрь за ограду. Генерал последовал за ним, уже сожалея о своем шаге. Это же надо – увязаться за сумасшедшим. Гришка за это время вприпрыжку сбежал вниз по алее глубоко внутрь кладбища. Бежал он уверенно: чувствовалось, что он бывал тут часто. Когда генерал подошел к концу общей кладбищенской аллеи, Гришку не было видно. Он будто исчез. Он постоял прислушиваясь. Тишина была кругом.

– Эй, дружок! Гриша! – позвал Одинцов бродяжку и услышал через мгновение:

– Аюшки дяденька! Аюшки, – голос звучал из глубины кладбища.

Генерал шел, смотрел на могилы и понимал, что он уже в старой части кладбища. Старые заброшенные могилы встречались все чаще. Да где ж этот юродивый?

– Иди к нам, – раздалось сбоку. Лев Петрович обернулся: в темном углу, заросшем вьюнком и елками, стоял сумасшедший. Он стоял и улыбался, вытянув руку, и махая ладошкой:

– Иди, дяденька, к нам. Игнатушка ждет. Ну же иди!

Льву Петровичу от этой картины стало не по себе. Обернулся – ни души.

– Дяденька! – раздался зов калеки. Позвав, он присел и куда-то исчез.

– Эй! Гриша! Гришенька! – крикнул генерал.

Он медленно пошел в том направлении, где был юродивый.

– Эй, ну где же ты, дружок? Куда ты спрятался? – говорил он, пробираясь через старые могилы.

Вдруг он услышал жалобное пение:

Темно и сыро нам лежать,

Игнатушке и мне.

А нам бы вместе побегать,

Но мы лежим в земле...

– Жуткая песня, – подумал Лев Петрович.

– Гриша, а вот тебе еще монетка, возьми-ка! – сказал генерал в пустоту. Вдруг он увидел, как из-за накренившегося креста показалась голова юродивого. Он вылез откуда-то из-под земли и, улыбаясь, протянул руку.

– Дай! Дай мне! – тут вдруг его улыбка превратилась в гримасу, и он закричал: ДАЙ! Дай мне! От его вопля генерал вздрогнул и выронил монеты. Бродяжка ловко подскочил и начал собирать монетки с земли, радостно приговаривая:

– А мы с Игнатушкой тоже дадим дяденьке. «Там слезки его», – сказав это, Гришка, не оборачиваясь, выставил руку назад и указал на покосившийся крест.

– Кого слезки? – спросил генерал.

– Игнатушки слезки. Больно ему там. Пожалей его, поплачь, а он тебе слезки даст, – сказав это, Гришка засунул руку в карман и вынул горсть земли. – Вот возьми, это солнышко и слезки, – высыпав в руку генералу землю, он сел считать монетки.

Генерал глядел на то, что оказалось в его руке. В земле лежали три жемчужины бесподобной чистоты и золотая монета.

– Это ты взял там? – спросил генерал юродивого.

– Это мне дал Игнатушка, – он за грехи мается, вот и плачет.

– И много там слез? – тихо спросил Лев Петрович, замороженно глядя на жемчуг.

– Грехов много, – сказал сумасшедший, – поэтому и слезок много. Вся его постелька, в которой он спит, бедненький. Ну – пожалей его, дяденька!

– Да, да, непременно пожалею. Бедный, бедный, раб божий, – бормотал генерал.

Гришка прервал его:

– Не так жалеть надо. Скажи: бедненький раб Божий Игнатушка, не плачь!

– Да, не плачь, – сказал генерал. – Пойду я, Гриша, поздно уж.

В тени деревьев он попытался запомнить место, где стоял. Не надеясь на зрительную память, он подошел к кресту, потер мхом надпись. На полусгнившей доске появилась надпись: «Игнат Ипатов – посадский боярин».

6

– Такой жемчуг достоин королей, – сказал главный эксперт казначейства Московской управы Егор Семенович Катышев. Он был старым знакомым и даже в молодые годы коллегой Льву Петровичу. Именно к нему направился на следующий день генерал Одинцов:

– Можно сказать достоверно, что жемчуг из азиатских стран довольно старый – лет 700–800. Но сказать более точно не могу – мало вводных.

– А почему из азиатских стран? – спросил Лев Петрович. – Что в нем такого азиатского?

– Ну, это очевидно. Только азиаты используют жемчуг, не прокальвая его. Он используется целиком и вправляется в украшение. Да извольте посмотреть сами. Вот отметки фиксаторов, – показал он симметричные, еле заметные вмятинки.

– А откуда у Вас это богатство шамаханское? – спросил Катышев.

– Да это вот родня из Твери прислала: помоги-де понять, сколько это может стоить? А у них откуда, – я не знаю, право.

Катышев слушал и смотрел на жемчужины:

– Да, знаешь, думаю: твоя родня владеет довольно значительным артефактом. Но мелкие жемчужины более интересные, – он взял лупу и навел на одну из мелких:

– Гляди–ка, а? Каково? – спросил Катышев.

Лев Петрович взглянул и увидел через лупу цифру 12.

– Ну и что это значит? – с нетерпением спросил он.

– Э, друг мой, не торопись, – сказал Катышев и поднес две других жемчужины к увеличительному стеклу. На них генерал увидел выцарапано «39» и «132».

– Ну и какие Вы теперь можете сделать выводы? – улыбаясь, спросил главный эксперт.

– Никаких, – раздосадованный своей несообразительностью, ответил Одинцов.

– Эх, Вы! Весь фокус в том, что эти три жемчужины являются частью некоего очень большого жемчужного укра-

шения или картины, так как их подбирали и прежде, чем укреплять, их нумеровали, чтобы рисунок был идеальным. Как Вы сами понимаете, даже, если предположить, что чудо жемчужное заканчивалось 132 номером, то представьте себе это творение! 132 жемчужины – каждая стоимостью не менее 5000 рублей, а с учетом художественной стоимости, – это бесценно! Видимо, Ваша родня нашла клад, – сказал Катышев и захохотал.

– Да уж клад, скажете тоже, так, бабкины сундуки перетрясли. Вот и нашлось Бог весть что, – сказал Одинцов, но голос его дрогнул.

– В любом случае Лев Петрович, дорогой мой, Вы поинтересуйтесь, откуда у них эти русалии слезы?

Услышав это, Одинцов вздрогнул:

– Слезки Игнатушки – это плачет он, – возник в голове голос юродивого.

– Да, непременно спрошу. Благодарю Вас, – наспех сказал Лев Петрович, и уже в дверях он услышал:

– Я все же думаю, что жемчуг татарский.

– Генерал обернулся:

– Почему?

– Видите ли, монголы, как все не морские народы, жемчуг за драгоценность не держали. Им больше было понятно золото, серебро, красное дерево, алмазы и самоцветы. В их природной среде жемчуга нет. Он был только у морских народов. По возрасту жемчужин понятно, что это время зо-

лотоордынских завоеваний. Если принять во внимание то, что эти жемчужины очутились в России, то это время войн и перемещений монгольских племен. Только эти басурмане могли привезти с собой 800 лет назад такой трофеей от морских народов, и только варвары, не понимающие истинную ценность этих жемчужин, могли царапать эмаль и выкладывать ими, что-то большое. Очень большое! В любом случае, это прекрасные драгоценности, да и стоят немало, а уж где они были ранее, мы с вами никогда не узнаем, – закончил эксперт.

– Как знать? – сказал про себя Лев Петрович, выходя на улицу.

После этого он взял экипаж и поехал в другой конец города в ювелирную лавку. Это было им сделано специально: он хотел получить ответ о золотой монете и не хотел показывать Катышеву её, дабы не вызывать подозрений. Хотя для подозрений и жемчуга хватило бы, – думал про себя он.

Экипаж остановился. Генерал вошел в ювелирную лавку и обратился к ювелиру, которого видел впервые.

– Оцените мне, любезный, вот эту монету, – сказал он и положил на стол золотой. Ювелир внимательно осмотрел с двух сторон монету. Потом сказал:

– Могу Вам заметить милостивый государь, что я не эксперт по находкам, я ювелир. Но думаю, что Вам было бы правильнее отнести Вашу находку в историческое общество. Собственно, как и весь клад, который Вы нашли.

Ювелир глядел прямо, спокойно и уверенно. Генерала Одинцова прошиб пот.

– Какой клад? Вы о чем? – генерал встал. Резко надевая перчатку, он процедил:

– Что Вы несете? Я пришел получить оценку стоимости старинной монеты, которая давным–давно, была в нашей семье. Почему Вы говорите о кладе?

– Я просто не понимаю, как ритуальная монета, укладываемая язычниками или татарами под язык мертвым, могла очутиться просто так в семье русского господина. Минимум её нужно было достать изо рта мертвого человека. Кроме прочего, эта похоронная монета относится к 1100-1300 годам и сделана болгарскими татарами.

Хождения иного не имела и не могла иметь. Даже если ваша родня и нашла её, то явно нашла захоронение болгарского видного воина, так как всем прочим в рот клали серебряные монеты. Поэтому то ли Вы, то ли Ваши родственники нашли клад. А его нужно сдать историческому обществу, иначе это преступление.

Одинцов слушал это ошарашенный. Он закивал головой, сказал:

– Да–да, я непременно узнаю.

Выйдя на улицу, он сел в экипаж и закрыл глаза рукой.

– Господи! – думал он, – чем я занимаюсь? Что со мной? На службе я не был уже два дня. Вся моя суть обращена

на эти жемчужины. Вот я уже вынужден врать. Так быть не должно. Надо все изменить. Все вернуть, как было. С этим намерением он сказал кучеру повернуть на кладбище.

Пройдя основную алею, он повернул направо и пошел, как и вчера, по диагонали. Вот он увидел склеп с лилиями, а вот узнал провалившийся крест. Этот крест был тем удивителен, что, видимо, фундамент сделали слабоватый, и он под тяжестью вошел наполовину в землю. Могло создаться ощущение, что покойник тянул его вниз ближе к себе.

А вот и выюнком поросшие старые могилы. Ели. Вокруг никого. Лев Петрович встал перед могилой с покосившимся крестом и надписью: «Игнат Ипатов».

– Вот мы снова встретились, – сказал про себя генерал.

Он засунул руку в карман, вынул и раскрыл ладонь, – там были жемчужины и золотой. Бросил их на могилу.

– Стоп, – сказал он себе снова, – это неправильно. Что ж я так вот кинул на землю. Нужно вернуть покойнику его сокровища и забыть об этом. Лев Петрович собрал брошеное, вспомнил, откуда вылезал юродивый, обошел могилу, увидел провал земли и довольно большую яму. Он наклонился, чтобы бросить прямо в отверстие прицельно, но вдруг ноги его провалились, и Лев Петрович в секунду очутился под землей. В кромешной тьме он понял, что лежит на твердом полу. Над ним зияла дыра. Он испугался того, что он даже не под землю упал, а что он находится внутри могилы. Он вскочил на ноги, глаза понемногу стали привыкать к мраку,

и он определил, что это был склеп, почему-то переделанный под могилу. Он зажег спичку. Так и было: склеп – мраморный, большой. В центре стоял гроб.

– Видимо, провал образовался не так давно, – подумал Одинцов, оглядывая склеп, потому что внутри было достаточно чисто, мало листвы, грязи и прочих следов давнего провала.

Доски почти сгнили, и Лев Петрович явственно увидел хозяина этой могилы. Останки Игната Ипатова были видны из провалов в досках гроба. Поднеся спичку ближе, Лев Петрович увидел рядом с гробом россыпь жемчуга и золота.

Видно было, что юродивый играл тут монетами, собирал их башенками, кружками. Генерал был заморожен увиденным. Он подошел ближе, наклонился к гробу и увидел, что всё внутреннее пространство гроба сияет на отблеск огня. Не в силах сдержаться, Лев Петрович тронул доску гроба, и она рассыпалась с печальным треском, обнажив золото, алмазы, рубины. Весь гроб был полон сокровищ. Несметных сокровищ. Лев Петрович отшатнулся, но потом, повинувшись неведомому в себе, он кинулся к сокровищам и начал набивать карманы всем, что хватала его рука. При этом он говорил вслух:

– Что ж это? Что ж это? – и в тот момент ему было все равно, что это было: драгоценность или кусок сгнившей одежды Игната. В какой-то момент у него перехватило дыхание. Он

отшатнулся от гроба.

– Что за черт? Что это я? С ума сошел? Прочь отсюда. – Он развернулся и подскочил к отверстию в потолке. Нужно было понять, как выбраться отсюда. Оглядевшись, он посмотрел, что стенка укреплена, и он сможет подняться по ней. Обернулся, увидел, как своими пустыми глазницами смотрит на него потревоженный череп хозяина сокровищ.

– Я больше сюда не вернусь, – сказал Лев Петрович.

Но эхом в склепе отозвалось:

– Вернусь! Вернусь! Вернусь!

7

Когда из ворот кладбища вышел господин, весь измазанный грязью, включая волосы, попрошайки с криком: «Мертвец восстал», кинулись врассыпную. В новостях следующего дня была помещена заметка, в которой мещанин Ивакин в красках свидетельствовал, как видел покойника, который вышел с кладбища, сел в пролетку и был таков. Особое место уделялось описанию жутких усищ и красным глазам последнего. А продавщица цветов уверяла, что видела рога и хвост и теперь боится торговать там. Лев Петрович читал эти сообщения в газетах взволнованно, он опасался, что кто-либо опознал его в этом черте. Но, к счастью, он остался неузнан. Когда он понял это, то заметки даже развеселили его.

– Нашли, идиоты, черта, – сказал он сам себе.

В целом, он пребывал в прекрасном расположении духа.

Он много шутил, острил с прислугой, так как жил он холостяком и семейства не имел. Поиграл с собачкой и даже спел два куплета Алябьева «Соловей», чего с ним не случилось уж более 10 лет. Все, кто его знал долго, удивлялись такому преобразению Льва Петровича и приписывали ему даже увлечение дамой. Придя утром на службу, он быстро и результативно провел три совещания, с аппетитом съел суп из молодых рябчиков и пирог с грибами. Был на совещании у руководства и сделал такой великолепный доклад, что генерал–министр Кондабуров был весьма удивлен и доволен. Вся причина преобразования Льва Петровича была в событиях прошлых дней. Все эти волнительные и необычайные события заставили Одинцова почувствовать давно позабытые чувства: опасность, тревогу, а вместе с тем молодость, кипение крови и в итоге – радость жизни. Это было странно для 63-летнего старика, но факт был налицо и даже воскрес давно угасший румянец. В этот день, когда он грязный и напуганный пришел домой после своего падения в склеп, он был в ужасном состоянии. Он думал, что после такого нравственного проступка его ждут вечные муки, позор, бесчестие. Он даже не заметил за страданиями, как уснул.

Утром он проснулся от лучей солнца, пробивающихся сквозь ветки яблони. Сев на кровати, он даже подумал, что все это ему снилось, но, когда он увидел, что вся кровать усыпана драгоценностями, он понял, что это было наяву. Он резко встал и отошел от кровати, но наступил на что–то.

Опустив голову, он увидел, что вся комната усыпана камнями и золотыми монетами.

Обессиленный, он сел на диван, не зная, что делать. Инстинктивно начал сгребать все драгоценности в кучу. Через 5 минут он собрал на полу сияющую кучку, хотя маленькой ее назвать было нельзя, но дивно красивой, завораживающей, прекрасной ее можно было называть.

В дверь постучали. Генерал схватил подушку, быстро снял наволочку, сгреб драгоценности в нее и кинул под кровать. Это стучал Степан, старый слуга.

– Чай, батюшка, подать, али попозжей? – спросил он.

– Попозжей, конечно! – нервно ответил генерал.

Когда Степан ушел, Лев Петрович достал наволочку и заглянул внутрь. Боже, как красивы были эти камни в сочетании с золотом!

– А почему я так взволнован? – сам себя спросил Одинцов. – Ну не украл же я эти сокровища?! Нашел, Бог помог. Лежат они в могиле уже более 500 лет, зачем? Вот мне Господь и дал счастье найти и собрать их. А почему я стал его выбором? – опять спросил он себя. – А почему не я? – ответил он себе же. – Чем я плох? Я всю жизнь служил верой и правдой, и что я заслужил? Содержание в 15 000 в год и приставку «Его превосходительство». Это всё, чем отечество отплатило мне за 50 лет отличной службы. Эти сокровища изменят мою унылую жизнь! Я еще поживу! Да–с! В свое

удовольствие!

Ему представились дворцы, прислуга в ливреях, личная ложа в опере, заграница, варьете (он слышал, что где-то есть такие места, где женщины свободны настолько, что мужчины забывают ради них жен, семью, долг и родину). Лев Петрович никогда не был так увлечен дамой, чтобы забыть долг. Но эти фантазии иногда не давали ему покоя.

– Итак, – сказал он себе, – хватит, стоп! Нужно действовать!

Он тут же сел и стал писать рапорт на отпуск. Окончив, он запечатал конверт и отправил Степана на почту. Достал из-под кровати наволочку с сокровищами. Их нужно было надежно спрятать – так, чтобы никто не нашел. Где? Вот вопрос. Тут он вспомнил, что был у него старый армейский друг капитан Потапченков.

Многое они пережили вместе с ним. И служил капитан в синодском приказе, так как после службы армейской пошел в монастырь и стал монахом Сергием, сделал карьеру по церковной линии.

– Обращусь к нему! – решил Одинцов. Он собрал все сокровища, сложил в саквояж и поехал к нему.

Потапченков встретил его тепло и на просьбу сохранить и никому, кроме самого Одинцова, не выдавать, ответил утвердительно. При Льве Петровиче он взял саквояж и положил в деревянную коробку, а ее поставил в подпол своей кельи.

– Более надежного тайника не сыскать, – подумал Одинцов.

К вечеру, получив утвердительный ответ на свой рапорт относительно отпуска, он снял комнату неподалеку от кладбища, за 1 серебряный рубль приобрел форму копателя могил и заплатил старшему могильщику Фоме 5 рублей за то, что тот даст ему работу, т.к. по-иному устроиться на доходное место могильщика непросто. Получив доступ на кладбище, Лев Петрович, назвавшийся Игнатом, сбрил бакенбарды, надвинул картуз поглубже на голову и получил совершенно неузнаваемый вид.

Два дня он копал могилы для покойников, потом закапывал их. Узнал секреты этого нехитрого ремесла, например, как копать, чтоб стенки не обваливались, и т.д. На третий день покойников привезли всего двух, и он смог отлучиться по своим делам. Идя по алее, он обратил внимание на необычного господина, идущего навстречу. Тот был роскошно одет, аристократ, но некое купечество было в его манере одеваться. Необычен он был тем, что шел с улыбкой на лице. Странно встретить на кладбище улыбающегося посетителя. При этом он нес старое ведро с каким-то мусором. Станный человек, странное поведение, сам несет мусор, хотя для этого есть кладбищенский дворник. Он что-то спросил, но Лев Петрович очень торопился, махнул в сторону и сразу забыл о нём. Подойдя к знакомой могиле, он заглянул в яму,

юродивого не было:

– Гриша, Гришенька, ты тут?

Тишина. Он взял несколько мешков, лопату и веревку с фонарем. Уверенно прыгнул вниз. Пригляделся, гроб стоял на месте. Он зажег фонарь. Склеп осветился. Лев Петрович подошел к гробу и увидел, что тот пуст. Пуст совершенно, ни единого намека на, то, что в гробу даже был человек. Он наклонился с лампой к полу, ища золото и жемчуг на полу – там было пусто и чисто. Весь склеп был пустой. Только старый полусгнивший гроб стоял на мраморном постаменте.

– Что это, Господи?! – завопил Одинцов. – Ты так шутишь?! За что ты так со мной?! – кричал он, подняв голову в потолок. Он был в отчаянии. Только одна надпись как издевательство виднелась на мраморной плитке потолка – «Калуга».

– При чем тут Калуга?! – крикнул он и заплакал. Он рыдал, как, бывало, плакал в детстве – сильно и навзрыд. Он не плакал так с детства.

8

Никита Селиванович сытно поужинал. В доме, в котором он жил пока как квартиросъемщик, был дым коромыслом. В связи с готовящейся продажей дома Ипатова все арендаторы вынуждены были искать новое жилье и собирать пожитки одновременно. Это не мешало Бруслову – это вдохновляло его. Возможность скорого владения четырехэтажным домом сладко томила его душу. Однако целый день он был в трудах.

За день он снял всю копоть со стены, обменял два камня у ювелира Юровского – он быстро понял, что с немцем лучше дел больше не иметь. Немец – он народ пугливый и законобоязненный, – а ну заявит, что, дескать, появился тут у нас Монте–Кристо. Нет! Тут нужно иметь дело со своим братом, который сам подворовывает и другим помогает, закон, которому не указ, а пугало, который живет по понятиям, а не по закону. И для этого лучшей кандидатуры, чем скупщик–еврей, не найти. У христиан 10 заповедей, а у правоверного еврея их 613, и из них 365 запрещающих, согласно дням в году и 248 обязывающих – согласно числам костей и органов в человеческом теле. И, как сказал скупщик Натан Юровский, – когда мне все их соблюдать? Но этот человек был уникален тем, что родился он без двух пальцев на левой руке. По этой причине вся его философия сводилась к следующему.

– У меня нет двух пальцев, значит Мицва (перечень религиозных предписаний) для меня должен быть меньше на две заповеди, так как костей у меня меньше – я выбрал две заповеди. Один палец снял заповедь, «не укради», второй – «не прелюбодействуй».

Поэтому Натан был самым известным скупщиком краденного.

Все воры знали, куда нести товар и кто даст цену. Кроме прочего дело для Натана было превыше прибыли, поэтому он имел безупречную репутацию в воровской среде. Ему и

отнес камни Бруслов. Натан быстро посмотрел три камня и тут же сказал:

– Это балтийский янтарь, не возьму. Отдай в ломбард, а вот эту приятную парочку беру, – вынул 1000 рублей. Бруслов скривился.

– Шо, мало? Тогда забирайте и ходите ищите, кто даст больше. Эти камни сырые, их обрабатывать надо, в изделие поставить, продать. Это все врэмья. Такие камни просто, как бриллианты не покупают. Я работаю с фортовым клиентом, поэтому золотишко, бриллианты – это тот товар, который у них идет вместо денег, и общаки они держат в этой валюте. А вот изумруд без предварительной обработки никак не продать. Поэтому 1000 даю.

– А что Вы скажете об этом камне? – спросил Бруслов, выкладывая перед Юровским желтый сапфир. Натан сразу посмотрел на Бруслова:

– Вы часом монетный двор не обчистили? – Потом он взял камень, покрутил, глянул на свет.

– Это сапфир, редкий – это уже серьезные деньги. А серьезные деньги есть у серьезных людей. Я спрошу, – сказал он и отдал камень.

– Так Вы его не купите? – спросил Бруслов.

Юровский посмотрел внимательно на него и сказал:

– Шо Ви мне голову делаете? Натан Юровский либо делает гешефт, либо ничего не делает. Вы пришли ко мне с камнями, даже не понимая, сколько они могут стоить. Суете

мне рядом янтарь на 10 рублей и сапфир на 100 000 рублей и спрашиваете, куплю ли я его? И шо я Вам отвечу? Конечно, не куплю. Пришел шлемазал какой-то, принес мне неприятностей и хочет, чтобы я их приоброл.

– Хорошо, я Вам скажу правду, но я прошу Вас никому более, – шепотом начал Бруслов.

Юровский прервал его:

– Правда – это товар, который никому не нужен. Получать товар, который не продать, для бедного еврея – непозволительная роскошь. Поэтому все просто: я говорю Вам, Вы отвечаете – идет?

– Да, конечно!

– Вы раньше кому-ни будь показывали эти камни?

– Нет.

– Вы украли их?

– Нет.

– Они в розыске?

– Нет.

– Вы тот, за кого вы себя выдаете?

– Да.

– Натану все ясно. Вы нашли клад и хотите продать камни. Это можно, но сложно. Во-первых, камни дорогие, и, если бегать по ювелирам, – пойдет шум. Шум мне не нужен. Я работаю с весьма интеллигентной публикой, и они, услышав шум рядом со мной, уйдут туда, где тихо. А терять свой маленький кусок хлеба Натан не может. У меня дети – пять

штук и один у Ривы на подходе. Поэтому, если мы с вами работаем, Вы все камни будете реализовывать через меня. Это условие. Идет?

– Да, только я боюсь, – Бруслов запнулся, – Вы один осилите финансово это дело? – добавил он.

– Это мне уже нравится! – с прищуром сказал Натан. – Это уже заявление серьезного человека! Сколько у вас камней?

– Пока 20.

– Пока 20? Не, слышал бы это мой папа! Пока 20, и Натан может не потянуть?... Я могу не потянуть гирию в 2 пуда, а этот гешефт нам по плечу. Уговор такой: я даю Вам половину стоимости камней. Больше не дам. Идёт?

– Да, конечно, по рукам, – быстро ответил Бруслов.

– Тогда вечером зайди за деньгами от сапфира.

– А камень я должен оставить Вам? – неуверенно спросил Бруслов.

– Не, Вы меня смешите. Вы спрашиваете такие вопросы, мне даже неловко. Не пойму: то ли Вы такой умный, то ли наоборот? Натан Юровский наперед ничего не берет. Принесите вечером. А за эти два возьмите сейчас, – сказал он и протянул 1000 рублей.

9

На стенке печи Бруслов нашел схему или карту. Он смог разобрать следующее:

- Калуга – крест могильный.
- Киев – крест могильный.
- Москва – крест могильный – дом и цифра «4».

Под этими надписями виднелась еще надпись: *где крест, там и я, и могила моя.*

Возле каждого названия города стоял знак в виде креста погостного, и только возле названия «Москва» был знак в виде домика с цифрой «4».

Что это могло бы значить? – размышлял Никита Селиванович, глядя на эти знаки.

В дверь постучали. Он запер вход в печь и отворил. На пороге стоял домовладелец Ипатов и держал в руках поднос с водкой и закуской. Кроме традиционных солений, на подносе были пироги с припеком. Улыбаясь, он сказал:

– Ну, по старинной русской традиции, надобно обмыть уговор словесный.

С этими словами он зашел в комнатку Бруслова.

– Да, тесновато у Вас, голубчик. Ну, ничего, скоро будет повеселее.

Сказав это, он налил в рюмку водки и, чокнувшись, сказал:

– Помоги Христос!

Закусив огурчиком, он оглядел комнатку и остановил взгляд на печи.

– А что это? – встревоженно, спросил он, показывая в то

место на печи, где отсутствовал ряд мозаики.

– Это как же? Кто ж это натворил, какой похабник?

Ипатов вскочил со стула, Бруслов вскочил тоже, но больше по инерции и, заикаясь, сказал:

– Иван Степанович, ругайте меня – это я снял изразцовую мозаику.

– Зачем? – удивленно спросил Ипатов.

– Да, знаете ли, увлекся старой школой изразцовых мастеров. Хочу постичь мастерство наших дедов, так сказать. Вот поэтому расковырял один ряд – изучаю раствор, глазурь, цвет, как достигался, и прочее.

– А! Вона оно чего? Тогда, конечно, другое дело. Дом скоро будет Ваш, делайте, что хотите. А печи энти – память от пра–пра–прадеда моего Игната Ипатова. Он их самолично строил, клал и мозаику подбирал. Все печи в доме сам делал – поэтому они все и не работают, – захохотал Иван Степанович.

– Какие печи? – спросил Бруслов, – разве в доме есть еще такие печи?

– Батюшка мой, аж четыре штуки, – все одна в одну и все не топят, так как собраны неверно. Уж 100 раз печников звали, нет, говорят, – сделано так, будто нарочно переделать было нельзя, и поломать жалко – красота какая! Да и память о предке моем Игнате Селивановиче.

От этих слов Бруслову стало не по себе, душно. Он подошел к окну. Вспомнил надпись.

– А скажите, Иван Степанович, что, предок твой в Москве помер?

– Да. И похоронен он тут же на Дорогомиловском кладбище.

Когда Ипатов ушел из комнаты, Бруслов не находил себе места. Четыре печи и, вероятно, каждая имеет такой же тайник. По схеме кое-что прояснилось. Москва и рядом избышка – это дом Ипатова. Цифра «4» – это 4 печи в этом доме. Значит, схема в тайнике печи – это схема расположения тайников Ипатова. А что значит крест могильный и надпись: *Где крест, там и я, и могила моя?* Если он похоронен в Москве, почему кресты стоят в трех городах? На этот вопрос Бруслов ответить не мог, но как человек, гонимый тайной, он решил прогуляться по свежему воздуху и подумать – оставаться в комнате не было сил. Дорогомиловское кладбище было рядом. Он решил зайти и попробовать найти могилу Ипатова. Прогуливаясь, он думал о событиях последних дней и удивлялся, как изменилась его жизнь. Он из ничтожества стал опять достойным гражданином, судьба рисовала ему праздничные картины, и помог ему в этом какой-то Игнат Ипатов, который жил Бог знает когда. Нужно поставить свечку за упокой души раба божьего Игната. Показались купола церкви. Это была церковь Преподобной Елизаветы при Дорогомиловском кладбище.

Поставив свечку, он перекрестился, прочитал молитву, на

выходе пожертвовал на храм. Выйдя из церкви, он оказался на внутреннем дворе. Он сразу обратил внимание на красивый памятник, который стоял в центре кладбищенской аллеи. Это был памятник 300 героям Бородинского сражения. Обойдя его кругом, он пошел, прогуляться вдоль могил.

Как любой человек, который идет по кладбищу, он разглядывал могильные камни, надписи, читал эпитафии. И вдруг он увидел фамилию Ипатов. Он остановился. На могильной плите золотом была высечена надпись: Ипатов Михаил (1789–1846). Это однофамилец – понял он. Но тут же вслед за этой мыслью он вспомнил надпись в тайнике: *Где крест там и я, и могила моя*. Может, крест – это кладбище, а могила его – это еще один тайник? Он кинулся вчитываться в таблички. Потом понял, что делает бессмысленную работу. Нашел дьяка, сказал, что потомок Ипатовых, и попросил посмотреть церковную книгу с записями о захоронениях за 15–16 вв. Пришлось пожертвовать на храм еще раз и еще раз. Но через час дьяк дал записку: ряд 4 в северо–западной части старого кладбища. Игнат Ипатов – посадский боярин.

Долго искать не пришлось. Главное, он определился с тем, где северо–западная часть. Вот он 4 ряд. Захоронений было много. Видимо, экономя места, хоронили даже в проходах между могилами – там, где раньше были дорожки. Внимательно изучая фамилии на могилах, Бруслов услышал чей–то голос. В какой–то момент ему показалось, что голос идет

из—под земли. Да, явственно он услышал тихую песню из места, где стоял покосившийся и вошедший в могилу крест. Потом настала тишина.

– Что за наваждение? – подумал он.

Вдруг явственно он услышал:

– Не бойся, Игнатушка, не бойся, – говорил кто-то снизу. Он подошел к могиле и прочитал на замшелом кресте почерневшие буквы: «Игнат Ипатов». Холод прошел по коже Бруслова. В привидения он верил и даже в детстве видел одно ночью. В стекле он увидел лицо – он так испугался, что до сих пор зашторивал окна на ночь и никогда не подходил к окну по ночам. Поэтому, когда он услышал голос из могилы, он оробел. Обернулся. Только ветер качал верхушки деревьев, и листва шелестела, будто нашептывая, что-то. Вокруг никого не было. Рядом начал чирикать воробей. Это несколько успокоило его. Тут он услышал прямо за собой дыхание. Он с ужасом повернулся и увидел нищего, который стоял и смотрел на него шальным взглядом.

– Что тебе? – машинально спросил Бруслов, прижав руку к груди.

– Мне бы, дяденька, кроватку починить. А то Игнатушке холодно. А кроватку поломали.

С этими словами он отвернулся и присел на корточки, бормоча что-то.

– Вот еще юродивый пристал, – подумал Бруслов.

Огляделся, было как-то не по себе в этом месте и рядом

с сумасшедшим.

– Дяденька! Поломали кроватку Игнатушки–то.

Бруслов опять посмотрел на нищего, но картина, которую он увидел, привела его в ужас. Юродивый стоял и держал в своих руках череп и несколько костей с остатками сгнившей одежды. Он прижимал череп к груди бережно, как ребенка, и приговаривал:

– Холодно ему без кроватки–то. Поломали гробик его, а он куда? Без гробика–то.

Бруслов отшатнулся:

– Ты что?! Ты где это взял?! – вскричал он.

На окрик сумасшедший вздрогнул и зашипел:

– Тише! Тише! Разбудишь Игнатушку. А он за это осерчает и заберет тебя с собой. Али ты не знаешь? Кто мертвеца будить станет, сам уснет сном вечным, – прошептал юродивый.

Бруслов отошел. Сумасшедший повернулся, подошел к деревьям, аккуратно положил останки. Поправил лохмотья на костях и сказал:

– Поспи–ка, хороший мой! Я тебе петушка на палочке принесу. Поспи–ка! Эй, дяденька, присмотрите за Игнатушкой, а то проснется, убежит, заиграется – ищи его потом. Я скоро! – помахал рукой юродивый и быстро зашагал, по алее.

Никита Селиванович с ужасом смотрел на останки, которые сложил ненормальный под деревом.

– Господи, что же у него в голове такое, если он так себя

ведет? – думал он.

Переведя взгляд на могилы, он увидел покосившийся крест с надписью: «Ипатов Игнат».

Вот так штука, – обрадовался Бруслов, на мгновение, забыв о костях покойника, и прошел к могиле. Обойдя ее, он увидел яму. Нагнулся. Погода была отличная, и солнце хорошо освещало яму. Золото блестело на полу внутри склепа так, что спутать его с чем-либо другим было невозможно. Он, не задумываясь, прыгнул внутрь. Только оказавшись внизу, он немного испугался, но быстро пришел в себя, так как не увидел ни нечисти, ни мертвецов. Подойдя ближе, он увидел, что все вокруг усыпано драгоценностями. Золото, украшения, камни... а жемчуга было столько, словно рисовой крупой засыпали гроб. Далее Бруслов действовал машинально – без проволочек. Первое, что он сделал, попробовал вылезти из ямы – это легко удалось.

На поверхности, выйдя на пустую аллею, он обнаружил хозяйственный инвентарь кладбищенской службы. Взял ведро с лопатой, грабельки оставил.

Спустившись вновь в могилу, он собрал в ведро все, что было в гробу. Набил все карманы. Полное ведро он накрыл тряпьем, которое валялось тут же. Подобрал все, до последней горошины, жемчуга. На все потратил не более 15 минут. Выглянул – пусто. Вынул ведро. Вылез сам. Осмотрелся – никого. Отряхнулся. Обратил внимание, что тряпья мало, золото пробивалось сиянием всеми цветами радуги на

солнце. Подошел к куче травы и листьев, положил их сверху. Убедившись, что клад прекрасно замаскирован, поднял ведро и пошел к выходу. Ведро было тяжелым – золото тянуло к земле – будто покойник не хотел отпускать свои сокровища и тянул их обратно в могилу. Мимо пробежал, топоча, юродивый Гриша. Он радостно сжимал красный петушок на палочке. Увидев Бруслова, он остановился, и встревожено спросил:

– А где Игнатушка?

– Спит, – спокойно ответил Бруслов.

– Вот обрадуется сейчас! – завопил ненормальный и побежал дальше.

У Бруслова было хорошо на душе! Нес он очень тяжелое ведро осторожно и не торопясь. Он был возбужден, но спокоен. Он не чувствовал себя вором, он не крал ничего ни у кого. Он нашел то, что волею всевышнего было сохранено веками для него. Он невольно улыбался. Странно было наблюдать улыбающегося человека на кладбище. Но Бруслов улыбнулся солнцу, проходящей старушке и даже довольно мрачному и сосредоточенному кладбищенскому могильщику, который спешил, куда–то по своим печальным делам. Могильщик посмотрел на улыбающегося господина и скосил взгляд на ведро. Бруслов увидел этот взгляд и испугался, что тот сейчас может потребовать кладбищенский инвентарь, и тут же обратился к могильщику с вопросом:

– Любезный, не подскажите, куда можно высыпать му-

сор? – и приподнял ведро. Могильщик растерянно махнул рукой влево и спешно удалился. Бруслов выдохнул.

Так, не понимая, впервые встретились Никита Селиванович Бруслов и Лев Петрович Одинцов, чьи судьбы уже были сплетены в одно полотно.

10

Лев Петрович пришел в себя от голоса блаженного, который пел какую-то песню, слов было не разобрать. Он был ошарашен, когда увидел могилу пустой. Да не просто пустой, но даже без покойника. Он обошел мраморный постамент, на котором несколько дней тому назад стоял гроб с останками, усыпанный золотом и жемчугом. Пустота была пугающая. Ничего не напоминало, что здесь были сокровища с покойником. Он даже пошарил ногой по пыли мраморного пола. Там тоже было пусто. Не приснилось же ему все это! От неожиданности он даже сел, так как ноги подкосились и в голове затуманилось. Когда услышал песню дурака–Гришки, он очнулся. Привстал с пола, отряхнулся. Подумал, что нельзя, чтобы сумасшедший увидел его тут, внутри могилы. Но Гришка, в свою очередь, все ближе приближался к входу в склеп. Одинцов забился в угол. Тень ненормального уже показалась в яме, как вдруг он резко развернулся, и смеясь, побежал куда-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.